

Библиотека «Новое имя» Союза писателей России

Кира МАРЧЕНКОВА

О ЛЮДЯХ
И ДЕРЕВЬЯХ

Поэзия

Москва
«Российский писатель»
2021

УДК 821.35
ББК 84(2Рос=Рус)
М 72

*Библиотека "Новое имя" Союза писателей России
создана по инициативе и при участии
С.П. КОЗУБЕНКО*

Кира Марченкова. О людях и деревьях. Поэзия. Библиотека «Новое имя» Союза писателей России. — М.: Редакционно-издательский дом «Российский писатель», 2021. — 96 с.

ISBN 978-5-91642-215-3

978-5-91642-215-3

© К. Марченкова, 2021 г.
© Союз писателей России, 2021 г.

Алексей АХМАТОВ, поэт, Санкт-Петербург

О ПОЭЗИИ КИРЫ МАРЧЕНКОВОЙ

Кира Марченкова – поэт как бы негромких открытий. Ее стихи хорошо срифмованы, чётко выверены. И каждое несёт в себе что-то чудесное и в то же время очень понятное и бытовое. Вот ребёнок, который безмятежно играет с травинками на рельсах, не замечая, что «...несётся вагон, а какие-то люди // Всё кричат: «Уходи!», а вот девушка, живущая в такой «невозможной дыре», что даже самолёты там никогда не падают, обращающаяся к своему любимому:

*Ты приезжай – на чай или вино,
Без повода, звонка и без гостинца.
Как запросто одним и заодно
В такой глуши нам будет становиться!*

*И слушать, как уходят поезда,
Как строчки легкомысленно поются...
Здесь никогда, ты слышишь, никогда
Не расстаются.*

А вот «Старик ведёт скрипучую подводу», как бы всем своим существованием подтверждающий:

*Где правда жизни, там и волшебство –
Святая ложь, помноженная на два.
Погладишь на ходу шершавый ствол
И выдохнешь, как будто так и надо,*

*А надо ли? Ответа не найти.
Так, видно, и останешься навеки
Рыбёшкой, вяло бьющейся в сети,
И до смерти уставшим человеком.*

Но это не поэзия усталого человека. Это поэзия «обыкновенного чуда», поэзия простого, понятного — и всё же никогда до конца не осознаваемого человеческого счастья бытия. Поэт говорит о вещах, которые никогда не будут высказаны до конца, но говорит на понятном и ясном современном языке. При сегодняшнем засилии абсурда, гротеска, а иногда и просто бессмыслицы, эти обычные на первый взгляд стихи становятся совершенно необычными. Ведь это надо ещё увидеть как

*В окне растёт многоэтажный дом
Куда быстрее, чем растут деревья,*

или что год уходит

*Ненужным больше, списанным плацкартным
Пустым вагоном в тёмное депо.*

Или:

*...яблоко, упавшее в траву,
Гремит, как выстрел.
Несмертельный выстрел.*

Цитировать можно долго. Почти всю книгу. Поэтому, сам себя останавливая, приведу последнее в своей заметке четверостишие брянской поэтессы:

*Вот морозный малиновый вечер...
Только что-то берёт на крючок,
Не иначе оплавленной свечки
В одиноком окне маячок.*

Надеюсь, что вот таким же, неярким, но очень родным и важным станет для читателя маячок поэзии Киры Марченковой. Это — хорошая поэзия. Нужная. В добрый путь.

Чуть заденет трав резные кончики
Солнце и поднимется в зенит.
Наступает время колокольчиков –
Слышишь, как отчаянно звенит?

В мареве удушливом, июневом
Медленная плещется река.
Одуванчик распушился – сдунь его
С тонкой ножки прямо в облака.

Посмотри – несутся в даль далёкую
Лёгкие пушинки-семена...
И бежит то рядышком, то около
Лето голубое, светлоокое,
Робким колокольчиком звеня.

Взлетает лето трясогузкою
Под облака.
Какая мелкая и узкая
Теперь река!
И не такие уж дремучие
Сейчас леса,
И не такая уж горячая
Твоя слеза,
И за домами не заблудишься
Ты в дождь косой...

Вот только вырастешь — забудешься,
Как будто сон.

Неуютно, ветрено и пусто
В городе, изжаренном до хруста.
Не успеешь сосчитать до ста —
Поезд отбывает — так печально...
Пожимаешь острыми плечами —
Нет чтобы немного опоздать.
Но по расписанию земному
Все дороги нас приводят к дому
И уводят из дому порой.
Воробей купается в корытце,
Медный жук спешит в песок зарыться,
Вянет куст, измученный жарой, —
Всё согласно следственно-причинным...
И уже совсем неразличимы
Поезда протяжные гудки.
В городе, пылающем от зноя,
Не простившись, расстаются двое.
Дураки.

Девочка смотрит в небо —
Белые облака
С юга на север тянутся караваном...
Девочка смотрит в небо.
Рядом течёт река.
Девочке хорошо и немного странно.

В небе царит свобода,
Воздух душист и прян —
Август в зените. Лето идёт на убыль.
Девочка смотрит в оба.
Девочка — это я
В небо смотрю, зачем-то кусая губы.

У каждой вещи есть свой смысл и срок,
И есть у каждой осени приметы.
На улицы, испуганные светом,
Листва ложится вдоль и поперёк.

Она еще не скормлена огню,
Вся эта россыпь бликов и контрастов...
А я смотрю, как умирают астры,
Прильнувшие к холодному окну.

Их жизнь такой бесхитростной была
И кончится без видимой причины.
Смотри! Они почти неразличимы
Сквозь мутный фильтр немывтого стекла.

Как я боюсь нарушить тишину!
Но в этом же оконном переплёте
Я вижу птицу в прерванном полёте —
И руки к отражению тяну.

Созревший август яблоком медовым,
Сорвавшись с ветки, катится в траве.
И мир совсем не кажется бредовым,
В сентябрьской утопая синеве,

И об ушедшем лете слишком рано
Печалиться и брать его в расчёт..
Но дни уходят, как вода из крана,
И за окном течёт, течёт, течёт..

Перекликаясь, вдаль уходят стаи —
Им оставаться больше не резон,
Который вечер солнце постигает
Искусство уходить за горизонт.

И что сейчас решительней и проще?
Пить крутобоких яблок терпкий мёд,
Покуда жить, по сути, нечем больше,
Покуда за окном всё так же льёт.

СТАРЫЙ АЭРОДРОМ

1.

Идут дожди, по улицам косым
Расходятся зигзагами потоки,
А по ладони взлётной полосы
Гуляют, что хозяйева, сороки.

Вода, наполнив ржавое ведро,
Налево утекает и направо...
Вот-вот заполонят аэродром
Густые и неласковые травы,

Там, где не заискрится больше сталь
И взлётные огни не замаячат,
Уже давно пробился сквозь асфальт
Веселый головастый одуванчик.

Он тянется, он радуется всем,
Любым ветрам отчаянно кивая.

Идут дожди. По взлётной полосе
Бежит вода небесная, живая.

2.

Проходят дни и убегают годы,
А мы всё так же нежно бережём
Нездешние закаты и восходы,
Чужую осень в городе чужом.
На мутных стёклах пальцев отпечатки
Нам помнятся сквозь толщу зим и лет.
Вот камешек, подобранный с брусчатки,
Вот чёрной липы скрюченный скелет,
Вот серые бульжники отмостки,
Вот ты меня касаешься плечом,

Вот мы с тобой смеёмся, как подростки, —
Смеёмся обо всём и ни о чём.

И, значит, до конца ещё не вышли
Все наши дни и ночи наши все,
Раз помнится тепло железной крыши,
И деревце на взлётной полосе,
И ожиданье встреч по воскресеньям,
И встречи под укрытием зонта...
Должно быть, здесь и спрятано спасенье,
Должно быть, здесь хранится красота.

Но слишком уж размеренно и гладко
Расходятся несхожие пути,
Как будто нет следов и отпечатков
И города на карте не найти.

Мы и с прошлым дружим не вполне,
И пока в разладе с настоящим.
В сентябрьской дымной тишине
Пишем письма в стол и в долгий ящик,

Что в них проку – нам не разобрать,
И в себе никак не разобраться,
Только снова целая тетрадь
Строчек про ушедшие семнадцать,

И писать рука не устаёт
Это «сочинение по теме»...
А за дверью терпеливо ждёт
Наших писем будущее время.

Ещё темно, и снятся чудеса,
Ещё молчит предательски будильник,
А в двух шагах от дома мокнет сад,
Весь в ожерельях яблок молодильных.

Кругом вода и медленная жизнь
В её осеннем смысле и обличье.
Выходишь в снег с дождём — теперь держись
И не сорвись отсюда прочь по-птичьи.

И тихо, тихо, тихо на миру
Холодном, неприглядном, водянистом,
Где яблоко, упавшее в траву,
Гремит, как выстрел.
Несмертельный выстрел.

Нет, не купить — хотя бы взять взаймы
Уютного и тихого покоя...
Зима, зима, предчувствие зимы.
Скажи, ты знаешь, что это такое?

Тревожен дом мой, странный и пустой, —
Скрипят суставы лестничных пролётов.
Как человек, измученный тоской,
Он стонет и страдает от чего-то.

А по ночам холодным, по ночам
Здесь оживают образы и тени:
Большой зимы грядущая печаль
Ложится на перила и ступени.

Все эти сны приводят к декабрю.
Их музыка всё тише, тише, тише...
Я вновь тебе о чём-то говорю,
И не волнуюсь, слышишь ли, не слышишь.

Куколка бабочки, крылышко мотылька —
Всё, что в земле находит моя рука, —
Было живым. Будет ли снова жить?
Вот поживём — увидим, что стоит шить,
Вот поживём — увидим, что стоит свеч.
Слово взойдёт весной, обратится в речь,
В песню, охрипший голос, движенье рук,
Слово взойдёт — угаснет. Утихнет звук.
Всё, что уходит в землю, случится вновь
Звонким ручьём, туманом, большой травой,
Голосом чистым, высоким — до неба — деревом...

Как же легко я в это сейчас поверила.

Не спугни тишину – это белый нетронутый лист,
Это поле, укрытое пологом чистого снега.
Не руби ее наскоро брошенным словом с разбега,
Оглянись,

Посмотри, как дрожит в ожидании пламя свечи,
Удержись от пустых разговоров, надрывного крика,
Ведь беду ненароком, ты знаешь, так просто накликаешь.
Помолчи.

Как этот миг сберечь и отстоять
У времени, у быстрого горения,
Где целый мир – открытая тетрадь,
Где над строкой колышутся растения,
Как будто рыбы в медленной воде,
Как будто во дворе чужие простыни,
И мы – совсем никто, совсем нигде,
Смешные, неуставшие, невзрослые?

Однажды мне расскажешь ты
Неторопливо,
Что будет день без суеты
И без надрыва,

Без потрясений, кутерьмы
И без погони:
Обычный день большой зимы
Без посторонних.

В нём будет что-то от земли,
От неба тоже,
Он всё, что нужно, утолит
И преумножит.

Но этот день сойдёт на нет —
Зима зимою:
Уйдёт во тьму весь белый свет
И всё земное,

И ты опять расскажешь мне,
Мой друг нездешний,
О неизведанной зиме
Простые вещи.

Зима – щегол, лазоревка, снегирь,
Большая тишь, и белое, и синее.
Войди в её отчаянную ширь –
И выдохни, и глубоко вдохни её.
Внимательно смотри по сторонам,
Дивись её премудрости и радости:
Все это мы,
Все это только нам.
И больше ничего,
Да и не надо здесь.

Я помню — там река, и город на реке,
И старая, давно заброшенная пристань,
И круглые буйки сверкают вдалеке
То красным огоньком, то чем-то серебристым.

Задворок городских убогий неуют,
Вечерняя пора и ветреная морось.
Я городу тому, наверное, не помнюсь,
Ведь там меня давно в лицо не узнают.

А он приснился мне под Старый Новый год —
Пристанище любви, прибежище печали,
В глухое никуда гудящий пароход,
Сто лет тому назад прикованный к причалу.

О ЛЮДЯХ И ДЕРЕВЬЯХ

1.

Являешься на свет, и в этом суть
Житейская, простая. Но однажды
Перерастаешь собственный сосуд —
Убогий, типовой, малометражный.

И вот уже коснулись потолка
Твоих ветвей изломы и изгибы,
Как будто есть резон его толкать
И выбираться, на свою погибель.

А всё же выпрямляешься, растёшь,
За новый мир цепляешься корнями.
И облака роняют тёплый дождь,
Задев тебя косматыми краями.

2.

С каждым днём и часом прирастая,
Словно ствол побегам, людьми,
Чувствуешь себя не зверем в стае —
Деревом, возросшим в нелюбви.

Старым дубом в зарослях осоки
На пустынном дальнем берегу,
В чистом поле ивой одинокой,
Круто изогнувшейся в дугу.

Дни отдельно прожитого века
На воспоминания дробя,
Кем угодно, но не человеком
Почему-то чувствуешь себя.

3.

Скрипучая вселенская спираль
Начнёт очередной виток раскручивать.
И легче сна и птичьего пера —
Отточенного, тонкого, летучего —
Возникнет мир весны в который раз.
И за окном, зимою занавешенным,
Вновь защебечут кто во что горазд
На тонких ветках птицы счастья вешнего,
И поредет прошлогодний снег,
В проталинах взойдёт трава отважная...

Но дерево проснётся по весне,
Как ни крути, а всё-таки не каждое.

Ставенка захлопнется резная.
Вздригнешь и замрешь, едва дыша.
Что ты можешь, что ты понимаешь,
Человечек — лёгкая душа?

Время утекает понемногу
В лучшие пространства и места.
Ты порхаешь — ну и слава Богу.
День прошёл — и голова пуста.

Тем и жив — и кто тебя осудит? —
Скрюченный остывший фитилёк,
Ничего не знающий, по сути,
Человечий хрупкий мотылёк.

Ты в своём доме как будто в танке —
Никуда не лезешь напролом.
Сморщенная луковица в банке
Молодым проклюнется пером,

Чайник сонно заворчит на кухне —
Маленький домашний Прометей.
За окошком что-то громко ухнет —
Возмутятся ленты новостей,

И опять всё станет, как и прежде,
Растворится в мареве рассвет.
Ни тебе на лучшее надежды,
Ни тебе из прошлого привет.

Лишь потёртый старый подоконник,
Русское привычное «авось»
Да спокойный взгляд с большой иконы,
Душу прожигающий насквозь.

Поезд уходит — что проку в мирской суете.
Город притих в потрясении. Кто-то уехал
Стать потерявшимся в чаще раскатистым эхом
Или исчезнуть в молчащей лесной темноте.

Поезд уходит — не будем скрывать — в никуда.
Он не вернётся и он не вернёт пассажиров.
Мы остаёмся. И знаешь, мы всё ещё живы,
Раз провожаем летящие в ночь поезда.

Поезд уходит, а мы остаёмся смотреть,
Сердце настраивать в такт безразличным колёсам.
Так — поневоле — становишься полностью взрослым,
Наполовину живым и счастливым на треть.

Над городом зависла тишина,
Молчит будильник, сбившийся со счёта...

Мне снова снится белая стена
И поезда ребристая спина,
Скрывающаяся за поворотом.
По рельсам, что натянуты струной,
Летит он, невозможный и блестящий,
Над необъятной ветреной страной,
Нарочный, скорый, внеочередной,
Внезапный поезд.

Мой и настоящий —
Короткий поезд в сторону весны
Из моего отчаянного быта...

Зачем, скажи, я вижу эти сны,
Зачем, скажи, топчу ногами сныть
На полустанке, Богом позабытом?

Я всё пойму когда-то. А пока
На ветке тупиковой, сиротливой
Пустых вагонов серые бока
Погладить так и тянется рука
Нетерпеливо.

Река не покидала берегов,
Текла себе, текла неторопливо.
Все ждали небывалого разлива,
И каждый был по-своему готов

Уйти под воду, выплыть из воды,
Вцепиться в разбухающие вёсла...
Бывают же такие злые вёсны,
Когда все ждут отчаянно беды.

Хранилась незатейливая снедь
На антресолях, чердаках, под крышей.
Об этом говорили громче, тише —
О марте, о воде и о весне.

Над городом кружились облака.
Бежали дни и выходили сроки,
И в этом напряжении высоком
Текла неторопливая река.

Случайное мгновение воды,
Следы на глине, на небе следы,
Затишье, снова шум и – тишина.
Когда-нибудь закончится она.
А мы не верим в скорую кончину,
Хотя уже давно неразличимы
Два наших отражения в воде,
Которая сама уже нигде.

Почернеют проталин нарывы,
Понесутся потоки с горы,
А пока у крутого обрыва
Прикорнула весна до поры.

Просыпайся, родимая, будет!
По проспектам – смотри – городским
Ходят бледные зимние люди.
Сколько маяться, милая, им?

Отряхнись и начни процедуры,
Срежь, как старую кожу, снега,
Подвесного моста лигатурой
Туго-туго стяни берега.

Утоли нездоровую жажду,
Иссеки незажившую боль...
И становится в очередь каждый –
Каждый первый и каждый второй.

Это мартовская хирургия –
Исцеление старой души.
Мы другие, другие, другие,
Мы живём, существуем, спешим,

И, каким бы то ни было странным,
Возвращаемся в норы свои
Зарабатывать новые раны,
И пытаться зализывать их.

Какую дань возьмёшь ты, светлоликий,
За горстку перезревшей земляники,
За летний зной и бесконечный день,
За дерева спасительную тень,
За солнечные всполохи и блики,
За небо, утонувшее в воде?

Но вот крупинки ягод, вот земля,
Вот дальней тропки вёрткая змея,
Вот шумный полог вековой дубравы,
Вот жаркий полдень, ласковые травы,
Вот горизонт, и маленькая я
У позабытой всеми переправы...
Какую ты возьмёшь за это дань?

Молчит, как в сонном озере вода.

И отгорело, и остыло,
И вышло прочь,
А всё, что было, всё, что было, —
Трава и ночь.

И то, ночное, травяное,
Я помню так,
Как будто это — кровавое,
Как будто знак

Остановиться и забыться
В чужой руке.
И слушать, как живёт и длится
Вода в реке.

ЗАГОВОР

У заброшенной дороги
Колокольчик недотроги
На ветру туда-сюда
Смотришь влево смотришь вправо
Ни пути ни переправы
Ни надежды ни следа
Лебеда

Ни приюта ни причала
Утоли моя печали
Ай люли-люли-люли
Ни убежища ни пищи
Глупый плачет умный ищет
Бьётся рыба на мели
Не боли

Ходишь бродишь как нездешний
Отвали моя черешня
За спиною не маячь
Отцветай моя крушина
Уходи моя кручина
Замерзай в реке вода
Навсегда

Качается лиловый колоколец.
В густой траве кузнечик-богомолец
Ведет свою бесхитростную песнь
Про то, как жил, да был, да вышел весь,

Про то, что солнце всходит и заходит,
А больше ничего не происходит,
И окромя рутины и забот
Здесь вряд ли что-нибудь произойдёт.

А небо то струится, то лучится,
И непременно что-нибудь случится
С кузнечиком, с тобою и со мной,
С огромной неприкаянной страной...

Но это после, а сейчас послушай,
Как звонок полдень августовский, душный,
Как солнце поднимается в зенит,
Как гулко эхо падает в колодец,
А мелкий, но отчаянный народец
Стрекочет и восторженно звенит.

ГЕРБАРИЙ

1.

Уходящее лето.
Тяжёлое облако.
Зачерствевшие травы, гербарий, латынь.
Переключивать с места на место — легко-то как! —
Эту блёклую зелень, небесную стынь,
На горячей веранде, на белом, по белому,
Перевязывать стопки газет бечевой.
Всё-то было у нас.
А подумаешь — не было
Ничего.
Ничего.
Ничего.

2.

Придёшь на дикий луг —
Непрошенный, ничей.
Ах, как легки на слух
Чертополох, репей,
И прочая трава,
И странная латынь —
Ах, как она права!
Ах, как они чисты!
Потрогаешь рукой
Цветка розовину
И выдохнешь покой,
И примешь тишину
В изнывшую грудь
Глотками, через край.
Как твой характер крут,
Гербарий мой и рай!

Между пальцев трава, между шпалами – гравий,
Одинокое облако в небе висит.
Я кому-то наверх говорю: «Поиграем?
Ах ты иже еси!»

Снизу вверх проведешь по упругому стеблю,
С беззащитных колосьев срывая пушок,
А потом и не вспомнишь, кто вышел на деле –
Курочка, петушок?

Проигравшего нет в этом «будет – не будет».
Колосится трава. Что-то колет в груди.
И несётся вагон, а какие-то люди
Всё кричат: «Уходи!»

И вот тебе дано:
Водица и камыш.
Не уходи на дно,
Покуда не решишь
Задачу до конца,
Не вызубришь урок
Наивного юнца,
Не вышедшего в срок
Из отчего гнезда
Сюда, на божий свет...
И пусть, что никогда
Не сходится ответ.

Там, говорят, большие города —
За лесом, косогором и болотом...
А здесь, подумай только, никогда
Не падают на землю самолёты,

Не тонут в бурных реках катера,
На отмель не садятся пароходы...
Какая невозможная дыра!
Какие, боже правый, наши годы!

Ты приезжай — на чай или вино
Без повода, звонка и без гостинца.
Как запросто одним и заодно
В такой глуши нам будет становиться!

И слушать, как уходят поезда,
Как строчки легкомысленно поются...
Здесь никогда, ты слышишь, никогда
Не расстаются.

То ворчу о чём-то, то вздыхаю
С юной проводницей заодно.
Южный поезд. Станция Лихая.
Пироги с картошкой и вино.

Еду по надуманной привычке
Изменять насиженным местам,
А в окне мелькают электрички,
А внутри — вагонная тоска.

Ничего, казалось бы, такого,
Что отягощало бы и жгло,
Но зачем-то вглядываюсь снова
В заспанное тёмное стекло,

Будто всё ищу, кого — не знаю,
В бесконечной лесополосе.
Южный поезд. Станция Лихая.
Выхожу и знаю — насовсем.

Лиственный лепет — обратная связь.
Я и не ведала, что родилась
Только сегодня. А в самом начале
Нет никаких печалей.

Ты говори со мной, лёгкая ветка.
Ты охраняй меня, будто наседка, —
В ласковом коконе сонного леса
Будет моё детство.

Будет скрипеть надо мною петля,
Будет мертветь подо мною земля,
И никогда не узнаешь заранее,
Что приключится с нами.

А приключится расти-вырастать
(Сбрасывать кожу наука проста).
Выйдешь на волю — авось и не сгинешь
В тёплой весенней глине.

Лиственный шёпот, дубовая речь.
Кто-то теперь меня будет беречь?..

Звенит, звенит небесный колокол —
А сквозь густой июльский зной
Плывёт игрушечное облако
По-над игрушечной землёй.

Такая светлая, изящная
На небе облачная взвесь,
А всё-то здесь ненастоящее,
И всё неправильное здесь,

И так всё здесь неловко склеено —
Вот-вот рассыплется в труху
И сад с укромными аллеями,
И дом с мансардой наверху,

И город с башнями-высотками,
И солнца жгучие лучи...

Глаза поднимешь в даль высокую —
И ничего не различить.

Солнце греет крашенные стены,
Воробей ныряет под карниз.
Уходя с провинциальной сцены,
Август возвращается на бис.

Что снаружи – клёны да заборы,
Ряд многоэтажек заводских –
Неуютный захолустный город
Безнадёги и глухой тоски.

То штормит его, то листопадит.
Кажется, всего-то ничего –
Как страницу вырвать из тетради,
Так из сердца вымарать его!..

Сонный дворник держится за грабли
И глядит, как в доме на углу
Лихо машет крыльями журавлик,
Намертво приклеенный к стеклу.

Жёлтый, с ровными прожилками,
Но живой ещё пока,
Лист качается наживкою
Без крючка и поплавка,

По волнам уютной осени
Он сорвётся — поплывёт.
Кто рыбачит в этом озере —
Не узнаешь наперёд.

Дело, в общем-то, обычное
И привычное вполне —
Никому не стать добычей:
Ни тебе, видать, ни мне...

Снова братия шуршащая
Отправляется в полёт.
То ли мы ненастоящие,
То ли вправду не клюёт.

Перевернув последнюю страницу,
Приняв всего земного естество,
Держи меня, как воздух держит птицу,
Как держит крону напряжённый ствол,
Как в грунт винтом зарывшиеся сваи
Удерживают стены.

И тогда
Любое слово обратимым станет,
Живую станет мёртвая вода,
К своим истокам развернутся реки,
Забьется то, что замерло в груди.
Как держится любовь на человеке —
Держи меня, держи.
Не уходи.

Что тишина, что чистая страница —
молчание,
отпущенная птица,
конец строки,
неверие в отеческие руки
и горе преждевременной разлуки,
и тень тоски,
отчаянье,
желание чужого,
живое ожидание большого:
да будет дождь!

А ты легко предметы именуешь
и дверь мою, конечно, не минуешь.
Войдёшь?

Туман и рельсы, рельсы и туман,
Цепочка фонарей на переезде.
Мы молча возвращались по домам
Не порознь, но уже совсем не вместе.

Скрипел вагон болезненно и зло,
Стучали измождённые колёса,
Как будто было пущено на слом
Всё то, что обещало стать серьёзным.

Горел цветными окнами вокзал.
К нему спешили выйти мы спросонок,
Оставив счастье там, где крепко спал
На верхней боковой чужой ребёнок.

Дождём не отмывается стекло
От многих лет и многих отражений.
А время незаметно истекло,
И память в самом первом приближенье

Покажет, как сошлись мы в этот раз
В нелепом, кратковременном союзе,
Как я скрывалась от недобрых глаз
За штору, туго скрученную в узел,

За мнимое прикрытие зонта.
Но вновь меня пронизывал до нитки
Твой взгляд, пока отстукивала такт
Я на пути от дома до калитки,

Обиду унося с собой и злость,
И сны о доме, где, теряя силы,
Забытая калиновая гроздь
На подоконник кровь свою пустила.

Коротаем день до вечера,
Тащим горе на плечах.
И сказать друг другу нечего,
И неммыслимо молчать.

На холстине неба серого
Запятые воронья.
Так и мечемся растерянно —
От неправды до вранья.

И чего бы ни хватало нам —
Нет недостатка здесь ни в чём,
Так и маемся, усталые, —
Ни тепло, ни горячо.

Хоть открылись нам вчера ещё
Двери настежь, чтоб уйти,
Каждый на своём пожарище
Остаётся взаперти.

Вращается судьбы веретено,
Снуёт челнок, и коромысло гнётся.
Загаданное сбудется, оно
Вот-вот перед тобою распахнётся.

Смотри, как быстро маятник стучит,
Как утекает время из ладоней.
Все сбудется, ты только помолчи,
Не говори ни с кем из посторонних,

Наматывай клубок случайных встреч
И загодя придуманных прощаний,
Иначе как мы сможем уберечь
Доселе неразгаданную тайну?

Она ещё покорна и легка
И терпеливо ждёт своей минуты.
Всё сбудется, и хватит молока
И хлеба нам. И, может быть, кому-то.

Последний снег, как первый — невесом,
Недолг и, казалось, невозможен.
Но он пошёл над садом и крыльцом —
Предельно ясный, тихий, односложный.
Простая математика: живи,
Равняйся на шеренгу неизвестных.
Мы друг у друга, стало быть, в крови —
У полноводных, земляных, небесных,
И быть войне, и не бывать войне,
Пока друг с другом делим мы добычу —
Последний снег. Держу его в уме.
И не решусь ни разделить, ни вычесть.

Молчишь — и хорошо.
Зачем ещё слова?
Затем, чтоб их молчать, звенящие и злые.
Чтоб сердцу тяжело, чтоб кругом голова
От громкой тишины и тихой ностальгии.

И было, и прошло, и не случится вновь,
Как радостно теперь об этом знать и думать,
Что вряд ли это всё нужнее, чем любовь,
А не сказать её тебе и мне — раз плюнуть.

Она поёт, она еще поёт,
Душа моя — игрушечная птица.
Закончится когда-нибудь завод —
Утихнет звук и вовсе прекратится.

Как предсказуем, даже нарочит
И замысел, и промысел небесный,
И вот она звучит, опять звучит —
Простая механическая песня.

Никогда не сумеешь её разгадать,
Вереницу событий.
И неважно откуда, неважно куда,
Вдруг захочется выйти,
И захочется спрыгнуть с обрыва, моста,
Перекошенной балки,
Но заклинишь, как тот воспалённый сустав,
И останешься, жалкий,
Одинокó смотреть в запотевшую даль,
Где на кончике пальца
Так легко помещается чья-то звезда,
И так сложно остаться.

Не выдумывай боли —
Бери, заговаривай боль —
То сердечную, то проливную, зубную-протяжную.
От крыльца до конца только глина и белая соль,
Или снег, что неважно.
(Как будто и вправду неважно.)
Потому что пройдут и весна, и недуг, и печаль,
Растеплеет — увидишь — во всю молодецкую удасть!
Кто-то сверху глядит.
Кто-то гладит тебя по плечам
И идёт — то ли прямо сюда, то ли просто на убыль.
Заговаривай боль. Заговаривай с болью на «ты»,
Занимай эту брешь в тишине,
Если некем и нечем.
А её не случится уже, и тебя больше нет.
И молчат облака.
О своём.
О почти человечьем.

Я не умею делать шаг назад
И обживать по новой пепелища.
Я не из тех, кто путь короткий ищет,
И не из тех, кто жмёт на тормоза.

Но лишь сюда я возвращаюсь вновь,
Как в колыбель, где тихо и спокойно,
Где с огненной геранью подоконник
И все еще живёт моя любовь.

Я в этот край бегу от всех невзгод.
В мечтах ли, наяву ли — без разбора —
В тот дом за покосившимся забором,
Где на крыльце мурлычет рыжий кот,

Где рано выпал тополиный снег,
Где двор под сенью кружевных акаций.
Сюда я возвращаюсь в каждом сне,
Хотя и не умею возвращаться.

Потому что живу у дороги железной,
Потому что ночами считаю гудки
Одиноких экспрессов, в полночную бездну
Друг за другом бегущих наперегонки.

Это всё не проходит ни завтра, ни после,
Это жизнь в ожидании вечного дня,
Потому что живу в непосредственном «возле»
Перестука колёс и ночного огня.

Как поют о своей бесконечности рельсы,
Их отчаянье не перестанет звучать!
Потому что живу у дороги железной
И зачем-то не сплю по ночам.

Живешь себе по шучьему велению,
Без веры и надежды на авось,
А каждый новый день преодоление—
Того, что не сбылось и что сбылось.

Не думай, всё изменится когда-нибудь
(Не спрашивай, пожалуйста, когда),
Ну а пока без лишнего гадания
Идём-бредём, не знаячи — куда.

И осени нам под ноги бросаются,
И зимы не обходят стороной.
Кто знает, что ещё с такими станется
Наивными — с тобою и со мной.

А что бы ни стряслось — возьмём да выдюжим.
Превозмогать — простое ремесло...
А за окном шумят берёзы. Видишь, им
Сегодня ночью тоже не спалось.

Только осенью мысли в таком беспорядке,
Что порою пугаешься собственных слов,
Собираешь их, будто в лукошко, в тетрадку
И радеешь за свой небогатый улов,
Но с опаской глядишь – всё как будто чужое
И сулит много позже особенный спрос...
Только осенью всё непомерно большое,
И косые дожди пробирают до слёз,
Вот и ходишь немой неприкаянной тенью,
Оставляешь следы на промокшей земле,
Постепенно себя приучая к забвенью
И готовясь к далёкой, но близкой зиме.

Речной рыбёшки серебристый бок
Блеснёт из-под воды, уйдёт под воду..
Спешит куда-то глупый колобок.
Старик ведёт скрипучую подводу.

Где правда жизни, там и волшебство —
Святая ложь, помноженная на два.
Погладишь на ходу шершавый ствол
И выдохнешь, как будто так и надо,

А надо ли? Ответа не найти.
Так, видно, и останешься навеки
Рыбёшкой, вяло бьющейся в сети,
И до смерти уставшим человеком.

...И был сентябрь, пока ещё зеленый,
И наполнялся шорохами лес.
Разбрасывая тени по земле,
Легко над головой смыкались кроны.

И день, перемахнув за середину,
Струился, разговаривал, дышал.
Он брёл, тихонько травами шурша,
Совсем не торопясь навеки сгинуть.

И я брела по солнечному лесу,
Еще не отошедшему ко сну,
Искать свою далёкую весну
В каком-то тридесятом поднебесье.

В предутренней тиши, где уязвим покой,
Где паутины снов сплетаются в узоры,
Случайные слова становятся строкой,
Ещё один ручей становится рекой,
Ещё одна река впадает в море.

Раскинулся туман по ивовым плечам,
Склонившимся к земле, сутулым, терпеливым.
Но, стоит первой птице звонко прокричать,
Тяжёлой каплей с ветки скатится печаль,
И время понесётся торопливо,

И глазом не моргнёшь — умелая рука
Раскрасит горизонт янтарными лучами...
И вот уже ручьём становится река,
Теряет прежний смысл случайная строка,
И слово обращается молчаньем.

Никогда, пойми, не поздно
Возвратиться в берега,
В человеческие гнёзда,
Прошлогодние снега,
Выйти где-то на конечной,
Заблудиться, как назло,
Понадеявшись на встречу
С тем, что было, да прошло,
Отыскать покрытый жостью
Обветшалый, голубой
Дом, в котором были вместе
Ты да я да мы с тобой.

То шаги, то случайные всплески
Замирают в густой тишине,
И понуро висит занавеска
На слепом, запотевшем окне.

В приоткрытую форточку рвётся
Самый первый, пронзительный снег.
Как живётся тебе, как поётся,
Причиняющий боль человек?

Засыпает под крышей синица.
Свет фонарный скользит по плечам.
Что тебе этой осенью снится,
Человек, приносящий печаль?

Ни души, ни ответа, ни звука
В непроглядной ноябрьской ночи.
Лишь сквозит ледяная разлука
И молчит.

В пустую сферу замкнуто пространство —
Что может приключиться с пустотой?
Но почему с завидным постоянством
Кричу во сне: «Возьми меня с собой»?

Всё, как и прежде, катится по кругу:
Горят костры, а после ляжет снег,
А я во сне протягиваю руку
Туда, где ждёт знакомый человек.

Во мне звенит надломленная спица,
Окалина в груди и в горле ком.
Я плохо сплю, мне постоянно снится
Тот, кто со мной, по сути, не знаком.

На опостылевшем дворе
Чернеют липы.
И никаких тебе прорех,
Сердечных скрипов.
Ни причитанья не слышны,
Ни свежий выстрел —
Такой душевной тишины,
Такой душистой
Не отыскать, куда бы ни
Бежали прочь мы
От неприкаянной возни
Без полномочий.
И этой глухонемой
Нам хватит в целом
На всю отчаянную стынь
И все пределы.

Нет никаких особенных причин
Бояться преждевременной разлуки.
Молчит зима, и мы опять молчим,
Хотя и вспоминаем друг о друге
Так часто, что задумаешься вдруг
О том, как это просто и непросто.
А тишина рассыпалась вокруг,
А вместо снега — мёрзлая короста,
И ни единый звук не различим
В молчании морозном и воздушном.
И никаких особенных причин
Его своей неловкостью нарушить.

Встречаешь новый день как в первый раз.
«Открыть окно, включить на кухне газ...» —
Как мантру шепчешь, тихо оживая.
А за окном такие виражи,
А на стекле такие витражи —
Зима ещё не то навешивает.
И пьёшь горячий чай, закрыв глаза,
И видишь — небо, майская гроза,
Прохлада распустившейся сирени.
Но это всё мечты, а за окном
Кружит и выужит. Только тёплый дом
И мокрый нос, уткнувшийся в колени,
Напомнят, что всё это наяву...

Спасибо, что я всё ещё живу.

Холодает — делать нечего:
Всё когда-то отгорит.
На каком теперь наречии
Мне с тобою говорить?
И каким таким молчанием
Мне сводить тебя с ума?
Преисполнена печальями
Приходящая зима.
Поделить её бы поровну,
Да, пожалуй, сберегу.
Ты живёшь по эту сторону,
Я — на дальнем берегу,
Разделяет нас не речка, но
Суесловье да молва...
Холодает, делать нечего:
Зимовать — так зимовать.

А дело ведь не в грусти и не в том,
Что есть всему назначенное время:
В окне растёт многоэтажный дом
Куда быстрее, чем растут деревья.

Казалось бы, что с дома мне того,
Стоящего у леса одиноко?
А дом стремится к небу и вот-вот
Начнет сверкать десятком новых окон.

Такие, из бетона и стекла,
Мне небо закрывают год за годом.
Жильцам пусть хватит счастья и тепла,
Даст Бог — и обойдут тот дом невзгоды.

Но всё ж берёт отчаянье на грех
От этих, мне, по сути, незнакомых,
Деревьев, что растут всё время вверх
И никогда не станут выше дома.

Мне снился лес, осенний и густой,
Наполненный сухим сосновым хрустом.
И ясный день, пришедший на постой
В древесную искрящуюся пустынь,
То замирал, то бился меж ветвей,
Как птица, помышляя о свободе.
А может быть, в мечтах о небосводе
Металась я по комнате своей?

Мне снился лес. Могучий, вековой,
Как высохший старик немногословный.
Мне снился лес. И больше никого
Здесь не было. И я молчала, словно
Подозревала — леса больше нет.
Лишь крики обездоленной вороны
И вздох на землю падающей кроны
Мне будут сниться много-много лет.

не помнить встреч ненужных,
фраз неискренних,
отправить всех завистников к чертям.
готовить ужин,
как всегда,
по-быстрому,
в кастрюле иероглифы чертя.

как будто надломили да и бросили.
теперь уж ворожи — не ворожи.
а впрочем,
так всегда бывает осенью,
когда не умер, но уже не жив.

а в сентябре туман под утро пенится,
ложится на продрогшие кусты.
и непременно что-нибудь изменится —
вот только бы дожждаться,
не остыть.

Просыпаешься ночью, будто и не спала,
Слушаешь собственный шёпот, вцепившись в простыни.
Какая счастливая осень у нас была,
Господи!

Боже, какой она уродилась тёплой!
Вспомнишь – зайдётся сердце, окаменеет живот,
Вот и гадаешь-думаешь: заживёт ли?
Не заживёт.

И не случится уже ни большого счастья,
Ни огромной, больше леса-реки, беды –
Только слова, разорванные на части,
И чужие – совсем чужие – твои следы.

Приходит осень вместе с сентябрём
И удивляет изморозью звонкой,
Когда весь мир с утра посеребрён
Так мастерски, старательно и тонко,

Что кажется, волшебный этот миг
Необходимо до весны сберечь нам.
Но красота тончайших снежных игл
Так быстротечна, так недолговечна...

И капает, и капает вода,
И время, словно крепкий камень, точит.
Ненастных дней струится череда
Сквозь частокол имён и многоточий.

И спят под листопадами дворы.
И, затаившись, в них легко услышать,
Как тихо сотворяются миры,
Как медленно стекает дождь по крышам.

Озираешься удивлённо:
Неужели моя вина?
Из печалей неутолённых
Мне осталась всего одна —

Что не сесть в отменённый поезд,
Что не тронуть твоей руки...
Вот и думается пустое,
Вот и рвутся черновики.

И единственной этой болью
Так терзаешься и живёшь,
Что готова бы на любое
Избавление от неё.

Ах, какие бы были песни —
Строчки б вытянулись в струну!
Только вновь отменяют рейсы,
Как назло, из страны в страну,

И не пишется, не поётся,
Дни заполнены маетой.
Что мне, маленькой, остаётся
Делать с этой большой бедой?

Ты говоришь, а я молчу, молчу.
Я не способна вымолвить ни звука.
Кому-то, может быть, и по плечу
Такое испытание разлукой,
И кто-то может не утратить дар
Упрямо петь, слова слагая снова.
А я молчу, как будто никогда
Не пророню рифмованного слова.
Ты говоришь, ты будешь говорить!..

А я, тебя заслушавшись, однажды
Пойму, что отболит, и отгорит,
И тихим словом утолится жажда.

Всё будет, но когда-нибудь потом —
Когда уйдёт две тысячи двадцатый
Ненужным больше, списанным плацкартным
Пустым вагоном в тёмное депо.
А мы, свою свободу обрета,
Не зная, что поделаться с ней теперь нам,
Пойдём туда, где травы и деревья
О чём-нибудь извечно шелестят.

Уходишь от себя, как правило, туда,
Где крепче всех цепей последняя свобода,
И где живёт вода, обычная вода,
Текущая ручьём под вечным небосводом.

Мы с ней легко молчим, мы с ней легко поём,
С озёрной, дождевой, живой и родниковой.
И я теперь сама — вода, и водоём,
И маленький родник, звенящий о своём,
И ковшик жестяной, что рядом с ним прикован.

В конечном счёте всё сойдёт на нет:
Осенний день, луны неяркий свет,
Предчувствие зимы – морозной, вьюжной.
И неоткуда будет ждать письма,
Да и любовь, условная весьма,
Окажется неважной и ненужной.

Сойдут на нет нелепая молва,
Мгновения, сомнения, слова,
Переходя в разряд воспоминаний.
И, оседая в глубине души,
Всё, что забыто мной, продолжит жить
Уснувшими до срока семенами.

Заросший двор ещё в густой тени,
Ещё лежит роса на желтых листьях.
На цыпочки привстань и загляни
В рождающийся день, большой и чистый.

Нет ни одной причины горевать,
Но есть причины миру удивиться:
Качается высокая трава,
На крыше звонко тенькает синица.
И всё на свете дышит и звучит,
Рассвет раскрашен розовым и синим.

На цыпочки привстань и помолчи,
Не думая о будущем предзимье.

Угодишь в неприглядное утро с разбега
И подумаешь вдруг:
Если это не снег, то предчувствие снега,
И прогнозы не врут.

Побредёшь не спеша в городской круговерти,
Обернувшись плащом.
Если это не смерть, то предчувствие смерти
И чего-то ещё.

Но пока не замёрз, не сдавайся, дыши с ней
В унисон — три-два-раз.
Если это не жизнь, то предчувствие жизни,
Той, что здесь и сейчас.

Что б ни прочили, ни говорили,
А своё эта осень берёт:
Вот ноябрь, голубой и стерильный,
Вот прозрачный, как стёклышко, лёд.

Вот застывшие в статике скорбной
Силуэты рябиновых тел,
Вот, звеня металлически, скорый
По своей колее пролетел,

Вот морозный малиновый вечер...
Только что-то берёт на крючок,
Не иначе оплавленной свечки
В одиноком окне маячок.

На подступах зима, на радости скупая,
Но именно сейчас скажи, не уходи:
Не страшно ли, когда внезапно умолкает
Какая-то струна, звенящая в груди?

Не страшно ли, когда наивный колокольчик
Не издает своей узорчатой тоски?
Посмотришь за окно — а день почти окончен,
И перехватит дух, и стукнется в виски

Неведомое мне, тревожное, большое,
Как будто чья-то боль никак не отгорит.
Пора бы начинать беседовать с душою,
Раз не с кем зимовать и не с кем говорить.

Кормушка на ветру качается, как зыбка,
И птичьи голоса так явственно слышны,
Что можно их собрать, как бусины, на нитку,
И бережно хранить от зябкой тишины.

Под музыку движения и слова,
Под лёгкое дрожанье сонных век,
Не понарошку, но почти условно
Приходит снег.

Приходит снег, подверженный дыханью
И тонкий до прозрачности стекла.
Смотреть его падение часами
Из-за угла,

Из-за плеча, ажуре чёрных веток,
Пытаясь что-нибудь увидеть в нём, —
Такая блажь. Но лишь немного света,
И вот — поём.

Не встретить никого в остывшем ноябре
У берега реки, то медленной, то скорой.
Лишь зимние стихи (вернее, зимний бред),
Лишь самый первый снег, доставленный бесспорно

С небесной высоты на сонную траву —
Он будет принят мной и будет мною прожит.
А розовый снегирь на ледяном ветру
Способен целый мир качнуть и растревожить.

Ну здравствуй, белый день, я у тебя в долгу!
Наверное, судьба мне выпала такая:
Разгадывать слова на дальнем берегу,
Которые живут и до весны не тают.

То заметало, то морозило,
То билась в форточки пурга,
И проливал свое молозиво
Фонарь на чистые снега.

Ах, эти вьюги, эти сумерки!
Ах, этот свет на грани тьмы!
Какие сказочные умники,
Какие дети были мы!

А за окном мело и сыпало
То сверху вниз, то снизу вверх.
И невозможно было выдумать
Такого счастья не для всех.

На дальних берегах и в ближнем заграничье,
Без повода и без особенных причин
Мы тихо говорим – на волчьем и на птичьем,
На шорохе листвы, но всё же не молчим.

Мы шепчемся с тобой украдкой и на равных,
Хоть за спиной давно скрывается беда,
И хрупкая строка – она имеет право
Разбиться и пропасть, теперь и навсегда.

Но песню не сковать тяжеловесным словом
И будущей зимы сверкающим звеном,
И мы еще споём, споём друг другу снова,
Как ветер и трава, о чём-то неземном...

Гуляют сквозняки в коробках наших комнат,
Над крышами летят куда-то облака.
Как всё-таки легко и невозможно помнить
Хрустальные слова чужого языка...

Так бывает лишь в самом начале
Неслучившегося декабря:
Ожиданием день измочален,
Беспокойством тяжёлым набряк.

Невесёлый, неясный, непрочный,
Налитой запредельной тоской.
Только тронь — и рассыплется в клочья
Календарной пожухлой листвой.

Но струится и споро, и просто
По накатанной прежняя жизнь,
В окнах леса готический остов,
И нечистая серая простынь
Бесконечного неба дрожит.

не болит, но тянет, тянет, тянет
изнутри.
ты придёшь с вестями-новостями —
говори,
или вместе — чур не удивляться —
ты да я
будем говорить и улыбаться,
не таясь.
что за вечер, что это за вечер —
гладь да тишь!
на мои опущенные плечи
поглядишь
и опять не скажешь ничего ты.
ляжет ночь.
не болит, хотя и тянет что-то
выйти прочь.

Однажды не останется причин
Для долгих телефонных разговоров.
Но вот — зима, и мы ещё звучим
О чём-то невозможном и нескором,
Где никаких гармоний, только сон
Отчаянный, несбывшийся, вчерашний,
Где мы поём и дышим в унисон.
И страшно.
И легко.
И снова страшно.

Из января не выбраться никак,
Из этих дней, безрадостных и тусклых.
Густая, малокровная река
Едва течёт в своём привычном русле.

Так медленно уходят на покой
Морозами обугленные ивы.
Теперь я тоже стала бы рекой —
Податливой, холодной, молчаливой,

И слушала б в объятьях темноты,
Как надо мною тени оживают,
И всхлипывают старые мосты,
Неведомого чуда ожидая.

Предсказуемо и гладко
Мир уходит на покой:
С клёна сыплются крылатки,
Гнётся ива над рекой,

Солнце падает за ельник,
Город прячется в тени,
Ускользает понедельник
Из усталой пятерни.

Чёрный мост скрипит и плачет
О несбывшейся весне.
Всё закончилось. И начат
Первый снег.

ОБ АВТОРЕ

Марченкова Кира Юрьевна родилась 2 августа 1986 года в городе Сельцо Брянской области, где и проживает в настоящее время.

Окончила Брянский государственный университет по специальности «биолог».

Сменила несколько профессий, с 2016 года работает заведующей детской библиотекой г. Сельцо.

Лауреат многих литературных фестивалей и конкурсов: «Хрустальный родник», «Берега дружбы», «Витебский листопад», финалист «Кубка мира по русской поэзии». В 2019 году приняла участие в съёмках программы «Турнир Поэтов».

Публиковалась на интернет-ресурсах, в коллективных сборниках, журналах «Бельские просторы», «Подъём», «Странник», «Смена», «Александръ», «Дон Новый», «Крымский сад метаморфоз».

Участница межрегиональных и всероссийских совещаний молодых литераторов в Орле, Воронеже, Химках, онлайн-семинаров.

Член Союза писателей России с 2020 года.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Алексей Ахматов. О поэзии Киры Марченковой.....</i>	<i>3</i>
«Чуть заденет трав резные кончики...».....	5
«Взлетает лето трясогузкою...».....	6
«Неуютно, ветрено и пусто...».....	7
«Девочка смотрит в небо...».....	8
«У каждой вещи есть свой смысл и срок...».....	9
«Созревший август яблоком медовым...».....	10
Старый аэродром.....	11
«Мы и с прошлым дружим не вполне...».....	13
«Ещё темно, и снятся чудеса...».....	14
«Нет, не купить — хотя бы взять взаймы...».....	15
«Куколка бабочки, крылышко мотылька...».....	16
«Не спугни тишину — это белый нетронутый лист...».....	17
«Как этот миг сберечь и отстоять...».....	18
«Однажды мне расскажешь ты...».....	19
«Зима — щегол, лазоревка, снегирь...».....	20
«Я помню — там река, и город на реке...».....	21
О людях и деревьях.....	22
«Ставенка захлопнется резная...».....	24
«Ты в своём доме как будто в танке...».....	25
«Поезд уходит — что проку в мирской суете...».....	26
«Над городом зависла тишина...».....	27
«Река не покидала берегов...».....	28
«Случайное мгновение воды...».....	29
«Почернеют проталин нарывы...».....	30
«Какую дань возьмёшь ты, светлоликий...».....	31
«И отгорело, и остыло...».....	32
Заговор.....	33
«Качается лиловый колоколец...».....	34
Гербарий.....	35
«Между пальцев трава, между шпалами — гравий...».....	36
«И вот тебе дано...».....	37

«Там, говорят, большие города...».....	38
«То ворчу о чём-то, то вздыхаю...».....	39
«Лиственный лепет – обратная связь...».....	40
«Звенит, звенит небесный колокол...».....	41
«Солнце греет крашенные стены...».....	42
«Желтый, с ровными прожилками...».....	43
«Перевернув последнюю страницу...».....	44
«Что тишина, что чистая страница...».....	45
«Туман и рельсы, рельсы и туман...».....	46
«Дождём не отмывается стекло...».....	47
«Коротаем день до вечера...».....	48
«Вращается судьбы веретено...».....	49
«Последний снег, как первый – невесом...».....	50
«Молчишь – и хорошо...».....	61
«Она поёт, она еще поёт...».....	52
«Никогда не сумеешь её разгадать...».....	53
«Не выдумывай боли...».....	54
«Я не умею делать шаг назад...».....	55
«Потому что живу у дороги железной...».....	56
«Живешь себе по шучьему велению...».....	57
«Только осенью мысли в таком беспорядке...».....	58
«Речной рыбёшки серебристый бок...».....	59
«...И был сентябрь, пока ещё зеленый...».....	60
«В предутренней тиши, где уязвим покой...».....	61
«Никогда, пойми, не поздно...».....	62
«То шаги, то случайные всплески...».....	63
«В пустую сферу замкнуто пространство...».....	64
«На опостылевшем дворе...».....	65
«Нет никаких особенных причин...».....	66
«Встречаешь новый день как в первый раз...».....	67
«Холодает – делать нечего...».....	68
«А дело ведь не в грусти и не в том...».....	69
«Мне снился лес, осенний и густой...».....	70
«не помнить встреч ненужных...».....	71
«Просыпаешься ночью, будто и не спала...».....	72
«Приходит осень вместе с сентябрём...».....	73
«Озираешься удивлённо...».....	74
«Ты говоришь, а я молчу, молчу...».....	75
«Всё будет, но когда-нибудь потом...».....	76

«Уходишь от себя, как правило, туда...».....	77
«В конечном счёте все сойдёт на нет...».....	78
«Заросший двор ещё в густой тени...».....	79
«Угодишь в неприглядное утро с разбега...».....	80
«Что б ни прочили, ни говорили...».....	81
«На подступах зима, на радости скупая...».....	82
«Под музыку движения и слова...».....	83
«Не встретить никого в остывшем ноябре...».....	84
«То заметало, то морозило...».....	85
«На дальних берегах и в ближнем заграницье...».....	86
«Так бывает лишь в самом начале...».....	87
«не болит, но тянет, тянет, тянет...».....	88
«Однажды не останется причин...».....	89
«Из января не выбраться никак...».....	90
«Предсказуемо и гладко...».....	91
<i>Об авторе</i>	92

Кира Марченкова

О людях и деревьях

Поэзия

Главный редактор Н. И. Дорошенко
Технический редактор Е. И. Косырева

Подп. в печать2021 г. Формат 84x108 ¹/₃₂

Бумага офсет №1. Гарнитура Newton С.

Печать офсетная. Печ. л.: 3

Тираж 500 экз. Заказ №

АНО «Редакционно-издательский дом

«Российский писатель»

тел.8-962-965-51-64

sp@rospisatel.ru

www.rospisatel.ru